

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА К. БАЛЬМОНТА: ИДЕИ И ЖАНРЫ

Литературно-критические работы К. Бальмонта представляют интерес и как составная часть творческого наследия автора, и как отдельная страница в истории русской литературной критики. Несмотря на явно растущий интерес к творческому наследию К. Бальмонта, исследовано оно не равномерно, литературно-критические работы остаются наименее освоенной частью. К. Бальмонт оставил три книги критических статей («Горные вершины», «Белые зарницы», «Морское свечение»), а также статьи, которые печатались в различных альманахах, журналах и газетах России и зарубежья («Русские ведомости», «Жизнь», «Мир искусства», «Весы», «Золотое Руно», «Вести Европы», «Современный мир», «Сегодня» и др.).

В основе образов целый пантеон мировой литературы и искусства». Блок увидел в работах Бальмонта знамение времени, знак смещения «вектора» критических суждений, «яркое и полное проявление «...» художественного индивидуализма» противостоящее подходу к литературе как исключительно «социальному фактору» [9, с. 536-538.]. К сожалению, Блок был едва ли не единственным, кто ощутил глубокую оригинальность статей К. Бальмонта. Чаще встречались отрицательные оценки. Так, неизвестный критик писал в «Русской мысли» о «слепой самоуверенности» человека, решившего «высказать свои мнения», которые содержат «большие звучности, чем мысли, и больше надуманности, чем искренности» [12, с. 329]. Еще более резко звучит отзыв известного в то время священника-публициста, который обвиняет Бальмонта в том, что он смешивает «свинское» с «божеским», и даже уже считает «свинское» «божеским» [1].

Стоит обратить внимание на символичность названия книги. В силуэте-эссе «Малое приношение» Бальмонт словами Калидасы говорит: «Великие умы, как горные вершины. Горят издалека» [5, с. 566]. Именно ряд «горных вершин» и выстраивает критик в сборнике, вполне закономерно, что большая часть статей – это портреты выдающихся художников.

Сборник открывается портретом-очерком творчества «Поэзия ужаса. Франциско Гойя как автор офортов» [4] и завершается эссе «О чудовищах» [4]. Статьи связаны фундаментальным тезисом философско-эстетической системы Бальмонта – красота абсолютна, она вмещает и добро и зло, – который пронизывает эту и последующие книги автора, а также воплощен в его поэтических произведениях. Еще один способ связи статей – внутреннее идейное единство, закрепленное ассоциативной связью на уровне актуализации аллюзий. Например, название юбилейной статьи «Сквозь строй. Памяти Некрасова» [4] не только вызывает в памяти ассоциации с рассказом Л. Толстого «После бала», но и повторяет заглавие стихотворения, вошедшего

в книгу поэта «Будем как Солнце». У Бальмонта данное выражение связано с образом поэта, готового вынести все ради своих убеждений, в то время как люди-мещане равнодушно наблюдают за действиями палачей. Так, и в статье «Поэзия Оскара Уайльда» [4] критик пишет, что Уайльд «прошел сквозь строй».

К. Бальмонт серьезно относился к статьям, вошедшим в «Горные вершины», и считал их началом длинного ряда статей о литературе, искусстве и религии. Ознакомившись со статьей В. Брюсова «Страсть» («Весы», 1904 г., №1), он обнаружил близкую ему идею о праве художника воссоздавать наряду с духовным и телесно-чувственное начало в природе человека и убеждал его собрать том статей по самым основным вопросам творчества. Такую книгу – «Далекие и близкие» – Брюсов издал лишь в 1912 году, в то время как уже были выпущены две следующие критические книги Бальмонта: «Белые зарницы» (1908 г.), «Морское свечение» (1910 г.). К сожалению, эти две книги не были удостоены критического внимания современников.

В книге «Белые зарницы» [2] также преобладают портреты, но увеличивается количество эссе. Что касается названия «Белые зарницы», то в одной из статей («Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка» [2]), вошедших в книгу, Бальмонт пишет, что символическое произведение имеет характер надмирности, сверкает «белыми зарницами» над «горными вершинами» [2, с. 160], а каждая статья книги по сути является иллюстрацией того или иного тезиса критика о символизме.

В книге «Морском свечении» [6] эссе уже играют главенствующую роль. В нее также включены путевые заметки «Пьяность Солнца. Бретань» и «С Балеарских берегов. Путевая паутинка».

Анализ книг и статей К. Бальмонта позволил выделить три базовых жанра его литературно-критических работ: портрет (очерк творчества, силуэт, силуэт-параллель, силуэт-эссе, мемуарный очерк), статья (манифест, обзорение, проблемная, юбилейная, параллель, эссе), рецензия (монографическая, обзорная, рецензия-статья, предисловие). С годами предпочтения критика явно сдвигаются в сторону эссе.

Создавая портрет очерк-творчества, Бальмонт ищет индивидуальный подход к каждому автору, внимательно изучает биографические данные, исследует творческий путь. В галерее работ Бальмонта мы находим не только изображения писателей. Так, статья «Поэзия ужаса» посвящена творчеству испанского художника Ф. Гойя.

В соответствии с задачами, которые ставит перед собой критик, портреты очерки-творчества можно разделить на две группы. В первой группе портретов («Очерк жизни Эдгара По», «Герхарт Гауптман») особое внимание уделяется биографии писателя, событиям, повлиявшим на создание того или иного произведения, критика интересует судьба произведения и его роль в мировой литературе. Во второй группе («Завет воли», «Певец личности и жизни. Уолт Уитмен», «Поэзия борьбы. Идеализированная демократия», «Певец побегов

травы», «Поэзия ужаса») основное внимание уделяется освещению четко сформулированной проблемы, которая является лейтмотивом статьи, в то время как жизненный и творческий путь писателя выступает скорее фоном. Статьям этой группы присуща ярко выраженная эссеичность, обилие цитат (зачастую приводится полный текст стихотворений), метафоричность названий.

Собственно портретами-силуэтами являются статьи: «Избранник земли. Памяти Гете», «Призрак меж людей», «Поэзия О. Уайльда», «Праотец современных символистов», «Гений открытия», «Марина Цветаева». Помимо этого портрет-силуэт в литературно-критическом наследии Бальмонта характеризуется, прежде всего, созданием двух пограничных жанров: силуэт-параллель («Творчество литовского писателя А. Виенуолиса», «Рыцарь девушки-женщины») и силуэт-эссе («Малое приношение», «Прощальный взгляд», «Праздник сердца», «Имени С.Т. Аксакова», «Звездный вестник (Поэзия Фета)», «Избранник»).

Также необходимо обратить внимание на то, что силуэт-параллель «Рыцарь девушки-женщины» вошел в цикл «Мысли о творчестве» (журнал «Современные записки», 1920 г.) под названием «Тургенев». Цикл включает три статьи: «Эпоха Возрождения и заря новой жизни», «Романтики», «Тургенев». Первые две – обзоры литературы эпохи возрождения, просвещения и романтизма. Таким образом, Бальмонт объединяет разные жанры в рамках цикла. Критик рассматривает сменяющие друг друга эпохи с точки зрения символизма. Помимо идейно-тематического единства связующим элементом выступает и стиль статей: экспрессивный язык, обилие эпитетов и метафор, яркие бальмонтские сравнения, символы.

В мемуарном очерке («Князь А.И. Урусов. Страница любви и памяти», «Страница воспоминаний», «Орлиные крылья», «Имени Чехова», «Звуковой зазыв. (А.Н. Скрябин)») Бальмонт сосредотачивает внимание не только и не столько на анализе вклада рассматриваемого автора в историю литературы и искусства, сколько на его значении в своей личной и творческой жизни.

Первый манифест К. Бальмонта – «Элементарные слова о символической поэзии» [4] – вырос из доклада, прочитанного перед русской аудиторией в Латинском квартале в Париже весной 1900 года. Второй – «Поэзия как волшебство» [7] – появился в 1915 г., когда провозглашали свои манифесты акмеисты и футуристы, а символистские доктрины об автономности искусства и теургическом жизнестроительном призвании художника уже не отвечали потребностям времени. Работа Бальмонта воспринималась как своего рода запоздалый манифест поэта-символиста и, по сути, завершила цикл символических манифестов.

В статье-обзоре «Тип Дон-Жуана в мировой литературе» [4] выразилась общая для символистов тенденция к переосмыслению вечных образов. Статья «Наше литературное сегодня» [6] – иллюстрирует обеспокоенность критика общим состоянием литературы. Бальмонт формулирует свое понимание критики и ее задач: «когда речь о творчестве,

можно говорить лишь о своем впечатлении», тут не нужен никакой анализ, никакие доказательства [2, с. 175-176]. В критике можно говорить только о своем ответном, «обогащенном моей собственной личностью, новым, измененном или вовсе новым, вновь родившемся художественном впечатлении» [2, с. 175]. А главным критерием в оценке творчества должен стать талант творца. Обозрения «Эпоха Возрождения и заря новой жизни» и «Романтики» – обозрение тех мыслей и идей, которые принесли эти эпохи, и одновременно обозрение ранее написанных литературно-критических работ Бальмонта. От каждого имени, упомянутого здесь, ниточка тянется к отдельной статье или ряду статей критика: Микеланджело, Леонардо да Винчи, Франциск Ассизский, Бокаччо, Петрарка, Данте, Руставели, Сервантес, Марло, Тирсо де Молина, Кальдерон, Гёте, Байрон, Шелли, Пушкин, Лермонтов, Новалис и др.

В проблемной статье К. Бальмонт пытается раскрыть тайну современной человеческой души, а с нею и тайну творчества. Он не ограничивается литературой, большой интерес вызывают у него живопись, музыка, театр («Кальдероновская драма личности», «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка», «Слово о Калидасе», «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина»).

Еще одной разновидностью литературно-критических статей является юбилейная статья («Сквозь строй. Памяти Некрасова», «О Достоевском»). К. Бальмонту удалось создать ряд интересных статей параллелей: «Шелли и Байрон», «Чувство личности в поэзии», «О русских поэтах», «Великие итальянцы и Руставели».

Наибольший интерес представляет, по нашему мнению, статья-эссе, так как критические работы К. Бальмонта в той или иной степени всегда несут в себе черты эссеистического стиля, здесь же он достигает наивысшего воплощения. В рамках жанра можно выделить две группы статей.

К первой группе относятся эссе небольшие по объему, с четко сформулированной в названии темой («Цветы», «О чудовищах», «Чувство расы в творчестве», «О жестокости», «О врагах и вражде», «Солнечная сила», «Народная воля», «Воля России», «Гении охраняющие», «Голубой талисман в золотом обрамлении», «Сказки первобытия», «Мещанин Пешков, по псевдониму Горький»). Автор выражает свои индивидуальные впечатления и соображения по конкретному этическому или эстетическому вопросу, заведомо не претендуя на исчерпывающую трактовку предмета.

Вторая группа статей («Поэзия стихий», «Флейты из человеческих костей», «Лирика пола», «Рубиновые крылья», «Малые зерна», «Рдяные звезды») отличается объемностью, часто носит подзаголовок «Мысли и ощущения», тема отражается в заглавии метафорически, статья часто разделена автором на пункты, объединенные ассоциативным сцеплением мыслей, и наполненных стихотворениями автора. Размышления о литературе сменяются пророчествами, отдельные статьи представляют собой прозаический

комментарий к собственным стихам и переводам, призванный усилить, прояснить возникшее впечатление.

Для монографических рецензий К. Бальмонта («Об Уайльде», «Руставели», «Поэт внутренней музыки», «Горячий цветок», «Ключ к Литве») характерно лирическое, образное вступление, в котором автор не только подводит читателя к восприятию предложенного произведения, но и поднимает важный, по его мнению, публицистический или эстетический вопрос. Далее, характеризуя произведение, Бальмонт уделяет внимание не столько сюжету, композиции и персонажам, сколько пытается со свойственной ему экспрессией передать атмосферу всего произведения.

Создавая обзорные рецензии, Бальмонт отступает от традиционного построения – перечисления оцениваемых новинок, как суммы рецензий. Он сопоставляет произведения, акцентируя внимание на интересующем его вопросе («О книгах для детей») или же рассматривает их в такой последовательности, которая позволяет наиболее полно выразить идею каждого («Колокольчиков держись», «Горящие пальцы», «Слово Литвы о любви», «Литовские народные песни о девушках»).

Круг вопросов, поднимаемых в рецензиях-статьях К. Бальмонта («О “Цветах зла”», «Символизм народных поверий», «Гвардовский. Тайна вечной юности»), в общем, соответствует основным направлениям его творческих поисков и философских размышлений. Это обращение к теме избранника, попытка пересмотреть общепринятое понимание добра и зла, утверждение превосходства чувства над разумом. Статьи имеют сложную композицию, логичность и целостность обеспечивает ряд риторических вопросов.

Отдельную группу составляют предисловия. По целевой установке – объяснить, почему так важно знать данное произведение данного автора – предисловия близки к рецензии. В предисловиях, написанных К. Бальмонтом, можно выделить три подгруппы: а) предисловие к сборнику критических статей «Горные вершины»; б) предисловия к издаваемым книгам иностранных авторов; в) предисловия к поэтическим подборкам, осуществленным с целью познакомить публику с тем или иным автором.

Написание предисловий к книгам критических статей характерно для символистов (Д. Мережковский «Вечные спутники»), они носят программно-теоретический характер, утверждая принципы нового искусства. В предисловии к «Горным вершинам» Бальмонт формулирует свою задачу как критика – проанализировать известные произведения мировой литературы, руководствуясь новыми символистскими критериями. А также указывает на дальнейшие перспективы своей работы: «Эти страницы представляют из себя только начало длинного ряда очерков по литературе, искусству, и религии. Я вижу совершенно явственно очертания второй и третьей книги» [4, с. 3].

В предисловиях к переводам («Предисловие к сочинениям Кальдерона», «Предисловие к драме “Любовь после смерти”», «Поэт “Пана”», «О любви», «Полярность») критик предлагает свое эстетическое видение данного

произведения, он объясняет причины выбора именно этой книги, ее культурную ценность для эпохи рубежа XIX-XX веков. Так в завершении предисловия ко второму выпуску сочинений Кальдерона Бальмонт отмечает: «Драма “Жизнь есть сон” до сих пор ставится на сцене в Испании «...» я убедился, что она не только сценична, но что и ее символический философский смысл от сценических эффектов выступает еще ярче и отчетливее. Необходимо было бы, чтобы лица, заведующие репертуаром русских театров, не оставили без внимания богатый сценический материал, предстающий перед нами в драмах Кальдерона» [8, с. 2].

Желая познакомить публику с тем или иным автором, а в период эмиграции, испытывая увлечение литовским и польским фольклором, Бальмонт создает ряд подборок, предпосылая им предисловия («Литва», «Самые маленькие сказки», «Бретонские легенды», «Испанец – песня»). По краткости выражения мысли и малому объему они порой близки к аннотации («Самые маленькие сказки») или посвящению («Литва» – «Я собрал несколько литовских цветков, и венок из них посвящаю моему другу, сыну Литвы, поэту одиночества и зимней вьюги, Юргису Балтрушайтису» [6, с. 147]). Но и при небольшом объеме предисловия Бальмонту удается акцентировать внимание на необходимости прочтения произведений: «Хотя Литва входит в нашу великую Родину... мы, Русские, мало что о ней знаем» [6, с. 147].

Если в начале творчества критика интересуют преимущественно русские и западноевропейские, американские авторы, то в годы эмиграции он как бы заменило недоступное «русское».

Важным критерием понимания личностных истоков в творчестве писателя является для К. Бальмонт воплощение в его жизни мифа о поэте-избраннике, который получил широкое распространение в литературе Серебряного века. Анализ произведений Бальмонта показал трансформацию мифа о поэте-избраннике от понимания его как гордого, стихийного гения, одинаково наслаждающегося добром и злом в ранних работах, до гения изгнанника, святого подвижника в работах периода эмиграции.

Бальмонта привлекала не идея превосходства над другими, а идея нового человека – творческой личности, способной все понять и обновить жизнь. «Избранный», «мудрый», «посвященный» поэт у него, конечно, соотносится с ницшеанским сверхчеловеком, однако отнюдь не тождествен ему.

По мнению критика, главная сила художника заключается в его влюбленности в жизнь, в умении раствориться в ней. Еще одной специфической чертой истинного творчества является его исповедальность. Но как человеческая природа, так и природа творчества соединяет в себе добро и зло, прекрасное и отвратительное, поэтому «гармония сфер и поэзия ужаса – это два полюса красоты» [4, с. 176] равно достойные внимания искусства.

Осознание вышеназванной полярности подводит Бальмонта к другой не менее актуальной проблеме – проблеме справедливого мироустройства. Ее разрешение он видит в создании цивилизации «демократически-

всечеловеческой», вольного союза «мыслящих личностей, где каждый гармонично выделяет из себя магнетизм – тем, что он силен, здоров и свободен». Переживая один из самых драматически тяжелых периодов нашей истории, Бальмонт выход из него видит в торжестве демократии, которую рассматривает как «религиозно-философскую идею» и на ее основах призывает «пересоздать религию, литературу, воспитание, всю жизнь» «на здоровом основании» [2, с. 100-122].

Для К. Бальмонта символизм не ограничивался рамками литературы. Так, говоря о живописи Гойя, он особо отмечает его «умение тонко и неразрывно сливать психологический строй художественного замысла с настроением пейзажной обстановки» [4, с. 185], что дает критику возможность назвать его поэтом-символистом в живописи.

Символизм он видит в «намёках и недомолвках», выражении неуловимого, таинственного и считает, что как метод творчества он связан с импрессионизмом стиля и декадентским мировосприятием. В целом это – психологическая лирика, призванная запечатлеть чувства и переживания раздвоенного человека на сломе двух периодов, в эпоху упадка. Символическое произведение лишено национальных черт, оно повествует об общезначимом и общем, приобретает характер надмирности, сверкает «белыми зарницами» над «горными вершинами».

Декаденство он определяет метафорически: «это песни сумерек и ночи», главное в нем – развенчание старого и экстатический порыв к новому, которое, однако, остается неясным. По отношению к декадентству критик переживает известную эволюцию: для него это явление не реакционное, а освободительное.

Импрессионизм определяется впечатлениями, субъективно пережитыми и выраженными художником. В целом же символизм, импрессионизм, декадентство то расходятся, то сливаются друг с другом, но неизменно связаны, их оттенки различить трудно.

Размышляя о символизме, критик видит его истоки в английской поэзии, которую считает более близкой к русской, нежели немецкую и французскую. Важным выводом для него является очевидное разделение русской поэзии на две полосы: полоса художественного натурализма – Пушкин, Лермонтов и их последователи – исчерпана; полоса «психологической лирики» – зачинатели Тютчев, Фет – безгранична. «Психологическая лирика» (или «лирика современной души») – «это поэзия более интимная, находящая свое содержание не во внешнем мире, а в бездонном колодце человеческого «я», созерцающая Природу не как декоративное, а как живую цельность» [4, с. 64].

Анализ статей показал, что трактовка символизма К. Бальмонтом в ряде существенных моментов совпадает с высказываниями Волынского, Мережковского, Минского и Брюсова и, в то же время, отличается от них, обнаруживает свою оригинальность.

Литература

1. Артабьян /Г. Петров/ Гнилая душа // Русское слово. – 1904. – №43.
2. Бальмонт К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления / Бальмонт К. Д. – СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1908. – 217 с.
3. Бальмонт К. Д. Где мой дом? / Бальмонт К. Д. – М., 1991. – 46 с. – (Библиотека «Огонек» ; № 9).
4. Бальмонт К. Д. Горные вершины. Искусство и литература. Сборник статей / Бальмонт К. Д. – М. : Изд. «Гриф», 1904. – 304 с.
5. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Бальмонт К. Д. ; [сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко ; ил. и оф. Н. Е. Бочаровой]. – М. : Правда, 1991. – 608 с.
6. Бальмонт К. Д. Морское свечение / Бальмонт К. Д. – СПб. : Изд. М. О. Вольфа, 1910. – 260 с.
7. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство [Электронный ресурс] / Бальмонт Константин Дмитриевич – Режим доступа к статье : <http://lib.rus.ec/b/4901/read>
8. Бальмонт К. Д. Предисловие к сочинениям Кальдерона [Электронный ресурс] / Бальмонт К. Д. – Режим доступа к статье : http://lib.ru/POEZIQ/KALDERON/calderon0_3.txt
9. Блок А. Собрание сочинений : В 8 т. / Блок А. – М., Л., 1962. Т. 5.: С. 536-538.
10. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры / Крылов В. Н. – Казань : Изд-во Казанск. Ун-та, 2005. – 268 с.
11. Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...»: Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век / Перхин В. В. – СПб., 2001. – 170 с.
12. [Рецензия] // Русская мысль. – 1904. – №10. – С. 329.

Аннотация

Шемахова А.С. Литературно-художественная критика К. Бальмонта: идеи и жанры

Наименее освоенной частью творческого наследия К. Бальмонта являются его литературно-критические работы. В статье выделяются три базовых жанра: рецензия, статья, портрет. Стремясь проанализировать мировую и отечественную классику, руководствуясь новыми символистскими критериями, критик находит истоки символизма в английской поэзии. Важным выводом для него является очевидное разделение русской поэзии на две полосы: полоса художественного натурализма и полоса «психологической лирики».

Ключевые слова: литературная критика, рецензия, статья, портрет, эссе, символизм, миф.

Анотація

Шемахова А.С. Літературно-художня критика К. Бальмонта: ідеї та жанри

Найменш освоєною частиною творчої спадщини К. Бальмонта є його літературно-критичні праці. У статті виділяються три базові жанри: рецензія, стаття, портрет. Прагнучи проаналізувати світову і вітчизняну класику, керуючись новими символістськими критеріями, критик знаходить витoki символізму в англійській поезії. Важливим висновком для нього є очевидне розділення російської поезії на дві смуги: смуга художнього натуралізму і смуга «психологічної лірики».

Ключові слова: літературна критика, рецензія, стаття, портрет, есе, символізм, міф.

Summary

Shemakhova A.S. K. Balmont's critical and literary works: ideas and genres

The least mastered part of creative heritage of K. Balmont are his critical and literary works. Three basic genres are singled out in the article, that are review, article, portrait. Aiming to analyse world and domestic the classics, following new symbolism criteria, the critic finds the sources of symbolism in the English poetry. An important conclusion for him is the obvious dividing of the Russian poetry into two bars: bar of artistic naturalism and bar of «psychological lyric poetry».

Key words: literary criticism, review, article, portrait, essay, symbolism, myth.

Стаття прорецензована и рекомендована к печати
док. филол. наук, проф. Андрущенко Е.А.